

150 лет со дня рождения Пьера де Кубертена

Пьер де Кубертен
(1 января 1863, Париж — 2 сентября 1937, Женева) —
французский общественный деятель, историк, литератор, педагог.
Инициатор возрождения современных Олимпийских игр.
Президент МОК в 1896—1925 гг.

Comité International Olympique

Reglement

Le Comité International Olympique a organisé le Congrès International de Paris à l'effet de réunir le monde au développement des Jeux Olympiques, solennellement rétablis le 15 Juin 1894 à propos d'un projet de célébration repris par le Comité de l'Union Athlétique Française le plus en plus affecté depuis sa création par un intérêt plus étendu. Le Comité doit s'occuper de sa réalisation, de provoquer un engagement tous les représentants et en général de prendre toute les mesures propres à assurer l'accomplissement de son œuvre.

RECRUTEMENT — Le Comité International Olympique est recruté et se recrute lui-même à l'aide d'un nombre de membres de tous les pays, chaque pays représentant le nombre de pays représentés en lui-même. Les membres du Comité International Olympique, après avoir accepté le programme et d'accepter le programme de leurs pays respectifs. Ils ne peuvent accepter à ce sujet aucun mandat irrévocable, de la part en tant que membres du Comité et de continuer l'indépendance de leurs votes.

Les membres du Comité sont élus pour une durée indéterminée. Ils sont élus par les Comités Nationaux ou par ceux qui ont été désignés par les Comités Nationaux respectifs, reconnus de l'admission par une autre Commission internationale de la part de la Commission qui a élu les membres du Comité.

Le Comité International Olympique a le droit de recevoir les contributions et les secours. Les dépenses nécessaires à son fonctionnement sont adressées par les Comités Nationaux. Les Comités Nationaux ont le droit de recevoir les contributions et les secours de la part de la Commission internationale de la part de la Commission qui a élu les membres du Comité.

ADMINISTRATION — Le Comité International Olympique a le droit de recevoir les contributions et les secours de la part de la Commission internationale de la part de la Commission qui a élu les membres du Comité.

Олимпизм Пьера де Кубертена и исторические перспективы реализации его идей

Николай Визитей, Вячеслав Манолоки

АННОТАЦИЯ

Цель. Исследование творческого наследия П. де Кубертена и прежде всего его представлений об олимпизме, определение путей конкретизации этих представлений в условиях жизни современного общества.

Методы. Методология философско-культурологического анализа, позволяющая концептуально рассмотреть вопрос о сущности феномена «олимпизм» и установить его содержание в различные исторические эпохи.

Результаты. Выявлено, что идея олимпизма П. Кубертена и идея олимпизма античного не в полной мере тождественны: последняя более метафизически фундирована. Показано, что в соответствии с представлением древних греков олимпизм является философией агональной (соревновательной) жизни, при этом сама агональность трактуется как базовый принцип космологических, а также социальных отношений. Констатируется, что в философии Нового времени соревновательность также рассматривается как универсальное социальное отношение, выступая в качестве события, неизменно сопутствующего акту человеческого самосознания.

Заключение. Авторами показано, что первоначально важной является задача подъема на новый уровень мировоззренческой компетентности тренера и спортсмена и в соответствии с этим перестройки системы морально-волевой подготовки спортсмена, а в конечном счете — всей системы олимпийского образования.

Ключевые слова: олимпизм, агональность, античный спорт, современный спорт.

ABSTRACT

Objective. The study the creative heritage of P. de Coubertin, first of all, his views on Olympism, and finding ways to make these ideas concrete in context of modern society.

Methods. Philosophical and cultural analysis was used, allowing to conceptually consider the issue of the phenomenon of «Olympism» and define its content in various historical epochs.

It is revealed that Coubertin's idea of Olympism and idea of Olympism in antiquity are not fully identical; the latter, in particular, is more metaphysically funded. It is shown, that in accordance with ancient Greek ideas, Olympism is a philosophy of agonal (competitive) life, where the agonality itself is treated as the basic principle of cosmological and social relations. It is noted that in the philosophy of Modern Age competitiveness is also regarded as a universal social attitude, acting as an event invariably accompanying the act of human self-comprehension in itself. The basic directions for modernization of idea of contemporary Olympism are determined; it is shown that the primary task is the bringing up of ideological competence of coach and athlete to a qualitatively new level and corresponding restructuring of the system of moral and psychological preparation of athlete, and, ultimately, the entire system of Olympic education.

Key words: Olympism, agonality, antique sport, modern sport.

© Николай Визитей, Вячеслав Манолоки, 2013

Когда мы говорим о сути идеи олимпизма Кубертена и о будущем современного спорта, для которого она в наши дни является (во всяком случае — на декларативном уровне) историческим и смысловым истоком, перед нами неизбежно встают следующие вопросы.

- В какой мере идея олимпизма Кубертена передает суть олимпизма античного?

- Насколько полномасштабно эта идея реализуется в случае современного спорта?

- Стоит ли сохранять в качестве базисной идею Кубертена, и если стоит, то следует ли ее при этом дорабатывать?

- В случае признания необходимости доработки, в каком направлении целесообразно действовать: стремиться ли добиваться большего ее соответствия идее греческого спорта, или, довольствуясь теперешним уровнем такого соответствия, попытаться обогатить ее содержание за счет принятия во внимание особенностей сегодняшней социально-культурной обстановки?

Эти вопросы привлекают в наши дни повышенное внимание исследователей [23]. Обращаясь к первому из них, сразу же надо сказать: указанные идеи соответствуют друг другу в общегуманитарном плане, однако идея греческого спорта более масштабна и многопланова в смысловом отношении. Концептуальное ядро этой идеи составляет представление грека об *агональности*, являющейся, как известно, сквозным элементом жизни античного общества. Сама же агональность трактуется как базовое событие человеческого существования, более того, существования мира в целом.

ОБЩАЯ ИДЕЯ ГРЕЧЕСКОЙ АГОНАЛЬНОСТИ

В процессуальном отношении агональность в Древней Греции понимается как встреча двух противопоставленных начал и как их сопряжение, в котором данная противопоставленность оказывается преодоленной. Такое понимание присутствует уже в «Теогонии» Гесиода (VII в. до н.э.). в которой Эрида — это богиня, имеющая два лица, персонифицирующая единство двух факторов: *созидательного* — покровительница трудового

состязания и *разрушительного* — продуцирует и поддерживает вражду между людьми [35]. Аналогично у Аристотеля (IV в. до н.э.): сопоставление, агональное взаимодействие индивидов потенциально рождает у участников два противоположных устремления и чувства: «*соревнование*» — позитивное, связанное с созидательными устремлениями, и «*зависть*» — негативное, связанное с устремлениями разрушительными [2]. Что касается трактовки агональности как космологического феномена, то здесь следует вспомнить прежде всего Гераклита (VI–V вв. до н.э.), сформулировавшего базисный принцип философской диалектики — «*принцип единства и борьбы противоположностей*» [6], а также Эмпедокла (V в. до н.э.), который полагал, что жизнь Космоса определяется взаимодействием, борьбой двух стихий, одна из которых — «*Филия*» («Любовь»), а другая — «*Нейкос*» («Вражда») [34].

Рассматривая общие особенности античного мировоззрения, Ф. Ницше указывает на тесную связь представлений грека об агональности как принципе *человеческих отношений* и агональности как принципе *космологическом*, при этом существенно, что именно первое в его трактовке выступает как основа второго: «только грек мог положить представление об агональности в основание оправдания мира; «благая Эрида» Гесиода объявлена мировым принципом, идея состязания отдельных греков и государств перенесена в область общих представлений из гимнасией и палестр, из агонив художников, из борьбы между собою политических партий и городов — так что отныне ею вращаются колеса мира» [19]. А что есть результат встречи и сопряжения противоположных начал? «Из войны противоположностей, — комментирует точку зрения Гераклита Ф. Ницше, — возникает всякое становление: определенные качества, кажущиеся нам постоянными, выражают только временный перевес одного бойца, но борьба на этом не кончается, она продолжается вечно; все происходит сообразно с этой борьбой, и именно в ней вечная справедливость»; и далее: «удивительно это представ-

ление, почерпнутое из источника чистойшего эллинства, – представление, считающее борьбу непрерывным проявлением единой строгой справедливости, связанной вечными законами» [19].

Справедливость и есть, следовательно, тот особого рода результат встречи противоположностей, о котором идет речь. Существенно, что она заключается не в том, что происходящее оказывается реализацией преимущественно одной из исходно имеющих противоборствующих тенденций, когда она с какого-то момента просто побеждает другую, становится преобладающей, занимает ее место, а в том, что, сопрягаясь с ней, дает иной, онтологически более высокого порядка феномен.

Итак, «Любовь» и «Вражда» – космологические силы, их взаимодействие и взаимопогашение обеспечивают становление, которое имеет морально-этическую окраску – это свершающаяся справедливость. Что же предопределяет суть и само наличие этих сил? В онтологическом (космологическом) плане – это силы бытия как рефлексирующей реальности, т. е. замечающей свое собственное присутствие и, значит, расщепляющейся на противоположности и реализующейся в процессе их сопряжения.

В феноменологическом видении – это наличие двух базовых, открытых осознающему себя субъекту мироощущений, по отношению к которым Я данного субъекта способно выступать в качестве координирующего фактора. «Вражда» – это событие-переживание, наличие которого непосредственно обнаруживается и проявляет себя в том обстоятельстве, что по внешнему чувству мир открыт человеку как нечто инородное, как отделенная от него и противостоящая ему реальность, и деятельно-практическая установка на преодоление этой отделенности возникает и существует в данном переживании в качестве его естественного компонента. «Любовь» – иное событие-переживание, ситуация, в которой имеет место данность человеку мира по внутреннему чувству, данность его как реальности, которой он принят и которой он соприроден, в предельном случае – полностью тождественен. И отсюда – установка у человека на сохранение и укрепление своей соединенности, общности с миром.

Становление заключается в том, что указанные мироощущения в своем взаимопроникновении порождают чувство реальности,

или открывают человеку истину бытия и одновременно – феномен справедливости, поскольку истина всегда справедлива. В соответствии с этим в бытии человека неизменно присутствует стремление сохранить ситуацию, в которой, вопреки тому, что есть вражда, отрицающая единство человека и мира, сохраняется и любовь, поддерживающая это единство, но при этом не за счет бескомпромиссной победы над враждой, а как стихия, особым образом принимающая вражду в свой состав и, скорее, не побеждающая, а преобразующая ее. Поскольку данные события и переживания неустраимы, то стремление субъекта сохранить контроль (власть) над происходящим также неустраимо, что рождает у человека чувство долга, которое выступает как неизменный компонент человеческого мироощущения и обязательная составляющая чувства реальности.

Человек и мир внутренне связаны и внешне разделены. Человек реализует себя в контексте движения мира, и в то же время этот мир осуществляет свое движение и получает свою высшую реализованность в контексте человеческого, рефлексирующего существования. Это дает человеку онтологический статус соучастника своего собственного творения, а также свершителя долга и творца смысла в мире. Реализация человеком себя в данном статусе и есть его полномасштабная самореализация. Таким образом, бытие есть со-бытие. «Человек, – как говорит М. Шелер, – есть место встречи»; и далее: «Первосущее постигает себя самого в человеке в том же самом акте, в каком человек видит себя укорененным в нем» [33].

Названные процессы характерны для человеческого существования в целом. Однако они имеют свои особенности в каждой культуре, в каждую историческую эпоху. Для Древней Греции характерен случай, когда разделенность мира на внешний и внутренний является особенно значительной. Здесь в качестве предельной внешней реальности человеку дан *Космос* как некоторая объективная, в целом независимо существующая стихия, живущая по своим, неподвластным человеку и даже богам законам, и, в конечном счете, предопределяющая судьбу человека. Греку открыты его разделенность с миром, чувство вражды в крайне интенсивном его варианте; соответственно обостренными для него являются чувство любви и стремление к единению с миром. Таким образом, каждое из базовых мироощущений оказы-

вается здесь особенно акцентированным в своей качественной специфике, а потому и процессы, обеспечивающие сопряжение этих мироощущений, становятся особенно активными, энергетически ёмкими. Бытие грека характеризуется чрезвычайно высоким онтологическим и нравственно-психологическим тоном, именно это обстоятельство выступает предпосылкой необычайной творческой продуктивности античной культуры в целом.

Спорт как агональная деятельность имеет глубокое метафизическое измерение. В пространстве его существования, за внешней определенностью и простотой, в глубинных горизонтах бытия постоянно случается множество, можно сказать, судьбоносных для человеческого существования в целом, процессов и событий, и их анализ выступает важнейшей задачей для исследователя, стремящегося к пониманию сути спорта, его социально-культурного смысла и возможной исторической миссии.

СПОРТИВНАЯ АГОНАЛЬНОСТЬ: ОБЩНОСТЬ И РАЗЛИЧИЕ ТРАДИЦИЙ АНТИЧНОГО И СОВРЕМЕННОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

В современной литературе, посвященной спорту, нередки случаи, когда спортивное состязание понимается как процесс двойственный по своему характеру: «Спортивное соревнование представляет собой единство интегративных и конфликтных элементов, своеобразную “антагонистическую кооперацию”» [37]; «Спорт принципиально открыт и “свободен”, содержит диспозиции как к миру, так и к немиру» [36].

На первый взгляд наличие такого рода высказываний дает основание утверждать, что в наши дни спорт (и агональность в целом) трактуется в античной традиции диалектически. Однако в действительности это в значительной степени не так. В античном понимании агональности присутствует, как мы могли убедиться, не только мнение о наличии двух противоположных начал, но и представление о том результате, который дает их единение. В суждениях современных авторов этого нет: здесь названы противоположные проявления спорта, но не показано их сопряжение, не выявлено становление, тогда как у древних греков – иначе. Утверждение, что спорт может проявлять себя в социально-культурном плане и позитивно и негативно – это лишь конста-

тация лежащих на поверхности, эмпирически очевидных фактов, которая, однако, сама по себе в аналитическом отношении недостаточна.

Нас же прежде всего интересует мнение по вопросу о спорте как агональной деятельности самого Кубертена. Надо заметить, что его интеллектуальное наследие неоднородно, и среди его высказываний о спорте можно встретить и такие, в которых он, по сути, разделяет взгляды вышеназванных авторов. Широко известно следующее его утверждение: «Спорт может вызывать как наиболее благородные, так и наиболее низменные страсти; он может развивать бескорыстие и алчность; может быть великодушным и продажным, мужественным и отвратительным; наконец, он может быть использован для укрепления мира и подготовки к войне» [11]. В то же время легко убедиться, что данная точка зрения на спорт существует у Кубертена наряду с другой, которая и является основополагающей. Она представлена в Олимпийской хартии, где сказано: «Олимпизм это „философия жизни“, возвышающая и объединяющая в одно сбалансированное целое достоинства тела, воли и разума» [22]. Именно вокруг данной идеи выстраиваются концепция Кубертена, а также его организационно-практическая деятельность, направленная на создание и развитие олимпийского движения.

Сопоставляя представления Кубертена с античными, следует заключить, что в понимании агональности (соревновательности) и, соответственно, олимпизма между одними и другими имеются существенные различия. Очевидно, что в античности данные феномены не воспринимаются как нечто по сути своей исключительно праздничное и радостное, как склонен в конечном счете считать Кубертен. (Наиболее концентрировано представления такого рода передает его знаменитая «Ода спорту».) Для древнего грека агональность — это процесс внутренне конфликтный и по-своему драматичный. В то же время — и это принципиально существенно — в его представлении именно агональность составляет суть человеческой жизни в самой ее подлинности и справедливости. Именно в ее стихии для человека при определенных обстоятельствах открыта возможность высших духовно-практических свершений. Кубертен, как это следует из его определения олимпизма, видит (хочет видеть) в спортсмене человека, который, всту-

пая в спортивное состязание, прежде всего мотивирован перспективой достижения успеха в развитии достоинств тела, воли и разума, а также возможностью их сбалансированного и гармоничного сопряжения. Что касается грека, то он, участвуя в спортивном соревновании, движим стремлением поставить себя в предельную ситуацию человеческого существования, испытать себя этой ситуацией, а значит, открыть для себя истину наиболее масштабной из возможных само-реализаций, а также путь к ней.

Между данными целевыми установками можно обнаружить в рамках соответствующего анализа определенную общность, и тем не менее очевидно, что сами по себе они в значительной мере различны. Кубертен постоянно говорит о гармонии души и тела, но не определяет, на какой основе и в каком смысле это реально может происходить — как в рамках человеческого бытия в целом, так и в рамках спортивной деятельности, в частности.

Кубертена нередко считают *романтиком*, полагая, что модель спорта, которую он предлагает, строится на явно завышенных мировоззренческих и этических стандартах и что его идея олимпизма как таковая — это не более чем утопия. Вот несколько суждений такого рода: «В целом олимпизм и олимпийская система представляют яркий образец противоречия между социальными мечтами и социальной реальностью на межкультурном и межнациональном уровне. Олимпийское движение символизирует борьбу между человеческими идеалами и реальностью, в которой человек живет» [42]; «В течении длительного времени спортсменам-олимпийцам предъявлялось культурное требование универсальности... Оно было связано с ожиданием воплощения в каждом атлете идеала всестороннего и гармонического развития человека и осуществления в нем полного слияния умственных, физических и эстетических возможностей самовыражения. Без сомнения, это требование невыполнимо» [36]. В связи с этим нередко возникают предложения обновить этико-мировоззренческую парадигму спорта, придать ей более прагматичный и, по мнению авторов, более реалистичный характер, утверждая, что спорту «нужна новая этика», основанная на «утилитарных ценностях» [43]. Некоторые ученые считают, что сегодня следует не Олимпийские игры приспособлять к этическим нормам, а сами

нормы приводить в соответствие с реалиями современного спорта [13].

Из того, что открывает нам анализ греческого спорта, уже на данном этапе рассуждений очевидно, что по своему социально-культурному потенциалу античный олимпизм в определенном отношении стоит выше, чем тот, который предусматривается моделью современного олимпизма, предлагаемой Кубертенем: идея первого более метафизически основательна, чем второго (при всем том, что между одной и другой моделью, как мы уже отметили, может быть обнаружена определенная преемственность). По этой причине, комментируя мнение, в соответствии с которым позиция Кубертена излишне романтична, можно было бы (если уж сохранять данную линию оценки этой позиции, что, разумеется, не совсем продуктивно) сказать с большим основанием (хотя, вероятно, это и прозвучит неожиданно), что романтизма Кубертену недостает. Чтобы в полной мере уяснить сказанное, нам следует еще раз обратиться к вопросу о сути древнегреческой агональности и спорта, стремясь конкретизировать отдельные сформулированные выше суждения.

СПОРТСМЕН-ОЛИМПИОНИК КАК РЕАЛИЗАЦИЯ ИДЕИ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ГЕРОЙСТВА

Мы отметили выше, что мир открыт древнему греку как реальность, которая живет по своим законам, зная которые и опираясь на них, человек может в определенных пределах использовать процессы, происходящие в мире, в своих жизненно-практических интересах. Однако при ближайшем рассмотрении в целом ситуация иная: существование человека жестко предопределено законами мира (Космоса), и они для грека «суть веленые судьб» [27].

Любое конкретное событие человеческой жизни, поскольку в его свершении непременно проявляют себя данные законы и поскольку их сила для грека всегда ощутима, окрашено в большей или меньшей (по обстоятельствам) степени, но в конечном счете неизбежно, трагическими тонами. Жизнь ограничена во времени и в целом неопредсказуема и уже поэтому в любом своем частном свершении фактически всегда «поставлена на карту». Каждый конкретный эпизод жизни грек склонен выверять в соответствии с правдой ее последнего, наиболее драматичного эпизода. Было отмечено, что

в Древней Греции события, составляющие человеческую жизнь, воспринимаются как «живое переживание тайны судьбы» [5].

Общий принцип поведения грека в рассматриваемых обстоятельствах состоит в том, что он не опускает руки, не перестает быть деятельным и не отождествляет свою судьбу с судьбой Эдипа, а, принимая ее вызов, встает на путь Прометея. Он не стремится тем или иным способом уйти от роковой ситуации, а, напротив, идет ей навстречу, желая вновь и вновь оказываться в положении, когда императивы судьбы открыты ему в качестве абсолютно заданных, когда восприятие мира является предельно реалистичным, а возможность безошибочных (справедливых и свободных) действий наибольшая. Такого рода поведение человека и есть подлинное *геройство*. Для грека проблема геройства – это вопрос жизни и смерти. Боги – не герои, ибо они бессмертны: «Култ мертвых был зерном героической идеи. Понятие «герой» стояло рядом с понятием «почивший»» [31]. Героический поступок, связанный не с какой-либо конкретной победой самой по себе – в военном противостоянии, в состязании художественном или спортивном – все это лишь доблесть частного порядка, лишь возможная форма высшей доблести, которая необходима в поединке с судьбой, со смертью. Деяния человека, проявляющего доблесть в сражении с судьбой, сопоставимы в восприятии окружающих с подвигами мифических героев, по разряду которых его нередко и чествуют. Герой деятельно оптимистичен, вопреки тому, что жизнь по своей сути трагична. Ученые отмечают, что стремление грека к «подтверждению жизни даже в самых непостижимых и суровых ее проблемах» [17]; «герой – это человек, который, зная о своей близкой смерти, действует так, как если бы он был бессмертен и уверен в своем торжестве» [32].

Все это присутствует в спорте, определяет его глубинный смысл. Особенностью ситуации является то, что агональность здесь представлена в четко очерченной форме, предельно ясно и лаконично, процессы, происходящие во внутреннем ее плане, в данном случае выведены наружу, представлены внешне-сюжетным образом. Спортивное соревнование задает модельно, а в ряде случаев вполне реально, ситуацию абсолютного противостояния: передо мною (соревнующимся субъектом) соперник, задача кото-

рого непременно меня превзойти. Он жестко мне противопоставлен, стремится столь же непримиримо навязать свою волю, как непримиримо противопоставлен в проявлении своей воли Космос. Существенно и другое: результат данного конкретного противостояния в спорте, как и в случае поединка человека с судьбой, обусловлен только тем, что случается в данный момент и в данном конкретном месте – *здесь-и-сейчас*. Ни вчерашнее, ни завтрашнее ценности не имеют. Следует добавить: результат соперничества в обоих случаях в значительной мере непредсказуем. Не случайно в Древней Греции у входа на олимпийский стадион ставился алтарь не только Зевсу или иным богам, но и Кайросу – богу счастливого момента, в чьи функции входило воссоздание ситуации, когда человек и судьба устремлены друг другу навстречу, и при этом каждая из сторон воспринимает другую как желанную [8]. Бытует мнение, что грек способен «наперекор ужасу и страданию быть вечной радостью становления – той радостью, которая заключает в себе также и радость уничтожения» [17].

Далее: спорт – справедлив. Результат спортивного выступления оценивается более объективно, чем практически во всех иных соперничествах. Условия состязания для участников строго одинаковы. В спорте и победа и поражение в принципе неоспоримы, также как всегда в конечном итоге неоспорим и справедлив результат поединка человека с судьбой. Отметим также, что встреча человека с судьбой – это поединок один на один. Соответственно в программах греческих общеэллинских игр абсолютно преобладают индивидуальные виды спорта.

И еще об одном: спорт акцентирует одну из важнейших особенностей жизни грека – открытость, публичность. Самоидентификация грека в общем случае – это не исключительно идеально-умозрительный акт, не эпизод его внутренней жизни, а прежде всего процесс деятельно-практический, бытие внешнего мира. Говоря о ситуации пребывания грека в социуме, некоторые ученые отмечают: «Человек был весь во вне, причем в буквальном смысле. Единство человека и его самосознания было чисто публичным» [3]. Одной из наиболее существенных для грека ценностей являлась слава. Она же предполагает широкий резонанс в обществе значимого поступка, совершаемого конкретным человеком. Спорт создает большие возможности для такого рода

эффекта. Строгая однозначность результата, относительная простота соревновательных программ (например, состязания в беге, прыжках в длину, метании копья) и на этой основе возможность полного понимания и глубокого сопереживания происходящего зрителем, – все это уже само по себе выступает как серьезная предпосылка того, чтобы слава чемпиона оказалась необычайно масштабной. Человек, идентифицирующий себя в пространстве социально-культурной жизни посредством спорта, без остатка просчитан, целиком высвечен в своей сути, в нем не осталось чего-либо сокрытого, потаенного, он полностью очевиден и открыт окружающим, по сути – обнажен. Традиция, по которой атлеты на Олимпийских играх соревнуются нагими, имеет во многом именно такие корни. А то обстоятельство, что это является нормой только в спортивных состязаниях, а не в каких-либо других, которыми так богата жизнь грека, очередной раз свидетельствует об особом статусе в античном обществе спортивного состязания и спортивной победы: «Не ищи состязаний достойней песни, чем олимпийский бег!» [24].

Таким образом, спорт позволяет человеку прийти к такой ситуации, когда ему открывается истина бытия, причем не как некоторая абстрактная, исключительно умозрительно данная истина, а как глубинная правда того, что происходит с ним (и при его участии) реально в данный момент. И происходящее здесь – справедливо, и суть его – свершение человеком долга перед жизнью и ее истиной. Человек здесь оказывается в парадоксальном положении: судьба не губит, а сущностно воссоздает его. Он не торжествует над поверженной судьбой, а с достоинством и даже удовлетворенно принимает ее неколебимую волю и находится на границе бытия–небытия, когда ситуация крайне неустойчива, когда уже невозможно бездействие и вместе с тем любое действие – это предельный риск: шаг к тому, чтобы либо обрести все – либо все потерять, либо пасть под ударами судьбы – либо преодолеть непреодолимое. Разрешение ситуации состоит в том, что здесь при наличии определенных предпосылок оказывается возможным совпадение желанного и должного.

Можно сказать также, что в спорте реализуется принцип «полного присутствия человека» (сквозная идея греческой философии [15]): здесь конкретная жизненная ситуация вмещает всю полноту человече-

ского существования, и в данном случае не имеет значения как все то, что предшествовало происходящему, так и то, что возможно произойдет в дальнейшем: «Побеждающий сдается искусом отшвырнуть от себя свою жизнь. Каждой победе присуще презрение к жизни» [20]. Геройство (как, к примеру, и Нирвана) предполагает, что необходимого и желанного достигают здесь лишь однажды – и навсегда! «Единственный вид бесконечности, который греки признавали, это бесконечное, которое полностью содержится в мгновении» [15]. Высший долг может быть исполнен человеком только один раз. В связи с этим в греческой жизни становятся возможными очень специфические ситуации. Например, соплеменник приветствует великого спортсмена после его очередной победы такими словами: «Умири, Диагор, ибо на Олимп тебе уже не взойти». Или другой не менее впечатляющий случай: Зевс, в ответ на просьбу матери особо отметить ее сыновей, которые одновременно первыми пришли к финишу в соревнованиях колесниц на Олимпийских играх, дает смерть обоим победителям во сне. Странное благодеяние верховного бога! Однако в свете вышесказанного здесь все вполне логично: жизнь может и даже должна быть остановлена, она теперь полностью исчерпала себя – и в смысле, и в онтологическом плане.

Здесь уместно отметить: греки отчетливо осознавали то, что в подавляющем большинстве случаев находится за пределами представлений о спорте у современных авторов: спорт не просто соревновательная деятельность, это самодостаточное соревнование, или, можно сказать также, что это «чисто соревновательная деятельность» [4].

АГОНАЛЬНОСТЬ В НАШИ ДНИ

В европейской философской традиции Нового времени агональное (соревновательное) начало рассматривается в ряде случаев так же как и в античности – в качестве имманентно присущего человеческому существованию феномена. И.Кант определяет «человечность» как «сравнительное себялюбие» [10]. Вполне очевидно, что это, по своей сути, себялюбие соревновательное. Существенно и то, что сама соревновательность нередко трактуется в духе Аристотеля: «Когда люди, сравнивая себя с другими, находят у них совершенства, то по поводу каждого из найденных ими совершенств другого будут испытывать чувство ревности и стараться

его совершенства преуменьшить, с тем чтобы возвысить собственные. В этом выражается недоброжелательная ревность. Если же я пытаюсь увеличить мои собственные совершенства, чтобы стать равным другим, то это будет соревнованием», и далее И.Кант называет соревнование «доброжелательной ревностью» [9]; «Жажда равенства может выражаться в том, что стремишься перетянуть всех к себе (через умаление, замалчивание, подножку), либо самому подняться ко всем (через признание, помощь, радость от чужой удачи)» [18].

Агональность и сегодня рассматривается как внутренне противоречивый феномен. Такое рассмотрение осуществляется обычно в несколько ином контексте, чем в Древней Греции: сегодня говорят о соревновательности как об обязательном компоненте человеческого самосознания, которое трактуют как процесс, в котором представлены два основополагающих и активно взаимодействующих стремления человека: к индивидуализации, к тому, чтобы выделиться в сообществе, актуализовать свою исключительность, и к отождествлению, к тому, чтобы уравнивать себя с другими, укоренить, в определенном смысле растворить себя в стихии жизни сообщества: «У человека есть две врожденные, бессознательные потребности, находящиеся в антагонизме: в укоренении и в индивидуализации» [29]; «Я становиться Я лишь потому, что у него есть мир, структурированный универсум, которому оно принадлежит и от которого оно в то же время обособлено. Я и мир коррелятивны. Также коррелятивны индивидуализация и соучастие» [26].

Самосознание, самоидентификация в соответствии с современными представлениями есть единство индивидуализации и отождествленности. На какой основе это единство возникает и сохраняется? Каким образом одно предполагает другое и при соответствующих обстоятельствах в него переходит? Ситуация здесь такова: выделяя себя и действуя при этом последовательно, я добиваюсь в полной мере приемлемого для себя результата лишь тогда, когда мои действия, реализующие мое стремление к индивидуализации, обеспечивают мне одновременно возможность актуального переживания мною своего сущностного единства с членами сообщества, в котором я себя нахожу и в котором хочу выделиться: «Самоутверждение обязательно включает утверж-

дение себя как “участника”» [26]. С другой стороны, моя возможность почувствовать, в максимально значительной степени пережить факт своей включенности в жизнь сообщества будет тем большей, чем больше я смогу выступить и воспринять себя в качестве уникального (и по характеру, и по силе) фактора его существования и процветания: «Самоутверждение Я в качестве индивидуального Я всегда предполагает утверждение той силы бытия, в которой Я соучаствует. Я утверждает себя как участвующее в силе какой-то группы, какого-то движения, мира сущностей, силы бытия как такового» [26]. Таким образом, когда я индивидуализируюсь, я уравниваюсь, и уравниваюсь в полной мере тогда, когда индивидуализируюсь.

Это уже знакомая нам картина, воспроизводящая внутреннюю противоречивость человеческого бытия. Однако в чем фактически может состоять моя поддержка сообщества? Прежде всего в том, что я активно действую в соответствии с принципом, который выполняет роль системообразующего фактора в жизни сообщества, поддерживаю этот принцип, причем в качестве или уже существующего, или открываемого и утверждаемого мною в рамках осуществляемых в данный момент действий. Заметим, что, поступая в соответствии с такого рода установкой, я фактически следую категорическому императиву И.Канта: «Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим принципом» [9].

СПОРТ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Современный спорт передает идею человеческого самоутверждения, акцентируя оба указанных выше базовых момента самосознания. Он ставит перед человеком в качестве первостепенной задачу победить соперника, т. е. актуализирует в максимально возможной степени его стремление к индивидуализации. Одновременно задает человеку, стремящемуся выделиться, очень жесткие рамки поведения, уравнивает со всеми участниками соревнования. Спорт требует неуклонного следования принципу честного соперничества. Более того, здесь предусмотрено присутствие специально подготовленных лиц (судей), которые определяют, насколько происходящее соответствует официально принятым нормам, и все это на глазах у зрителей, публично. Предельная по однозначности и строгости регламентация, с

одной стороны, и предельное же, доводимое до экзальтации (в тенденции – до отрицания любого регламента), стремление победить – с другой. Перед нами крайне напряженная нравственно-психологическая ситуация. Спорт – это не просто честное атлетическое соревнование, это также (и даже, прежде всего) атлетическое (т. е. требующее максимального напряжения физических и душевных сил) соревнование в честности.

Здесь трудно победить, но также и нелегко быть достойным звания победителя. Именно отсюда проистекает значимость самого по себе участия спортсмена в соревновании. Оно приобщает человека к сообществу (к братству) тех, для кого принцип честного соперничества – высшая ценность. (Это в определенном смысле принцип рыцарской чести – элемент средневековой ментальности, привнесенный Кубертоном в идею олимпизма.)

Спортсмен укрепляет социально-культурное пространство, которое построено по принципу честного соперничества, и именно в качестве человека, утверждающего этот принцип, он имеет возможность индивидуализироваться. Существенно, что это пространство более объемно, чем сама по себе сфера спорта, поскольку принцип честного соперничества является одним из базовых в человеческом общежитии в целом. Во всем этом есть, как легко заметить, сходство современной и античной ситуаций. Однако есть и различия, на которых нам следует остановиться.

Положение, в котором находится человек в современной культуре, специфично – открывающаяся картина мира существенно размыта. Внешнее не дано ему как реальность, которая настолько же, как в античности, системно собрана вокруг определенного центра (у древних греков это – Космос). Мир фрагментарен, и человеку трудно связать в одно целое те мироощущения, которые даны ему в качестве опыта включенности в разные фрагменты действительности, поэтому внутреннее для него тоже лишено необходимой проясненности, размыто. Соответственно ослаблена и противопоставленность внешнего и внутреннего, в связи с чем онтологическая и нравственно-психологическая энергетика бытия в целом понижена. Не от чувства бытия живет современный человек. Его актуальное пребывание в мире выступает как последовательность событий, которые в значительной степени внутренне между

собой не связаны, и его существование в целом ограничивается преимущественно верхними горизонтами происходящего. Это и есть «кризис самоидентификации» – одна из базовых проблем в сегодняшней – постмодернистской – культуре: «Нам угрожает не только утрата наших индивидуальных Я, но и утрата соучастия в нашем мире» [26].

Данная ситуация, естественно, тяготит человека. Он стремится к более строгой и более устойчивой, чем та, которая изначально оказывается для него возможной в рассматриваемых обстоятельствах, самоидентификации. Однако, четкая, полномасштабно артикулированная самоидентификация возможна, как очевидно, только в четко упорядоченном мире: «Выбирая себя, я созидаю Всеобщее» [25]. В этом и состоит суть акта самоопределения, и если уж он состоялся, если человек определил, «выбрал» себя, то это стало возможным лишь в силу того, что человек сознательно или стихийно укрепил или воссоздал упорядоченный социальный мир, «реальную коллективность» – конкретный вариант того Всеобщего, о котором говорит Ж.-П. Сартр. Одно предполагает другое.

Спорт, несомненно, является высоко упорядоченным социальным пространством. Вместе с тем он может создавать какую-либо особую, свою собственную, существующую в отрыве от реальной общекультурной ситуации, модель самоутверждения человека. В Греции, как мы могли убедиться, условия таковы, что открывающаяся человеку картина мира в значительной степени выстроена в систему, центрирована и стабильна. Человек, стремясь к самоопределению и самореализации, может в данном случае опираться в своих действиях на устойчивую совокупность конкретных принципов и правил. Его задача – найти свое место в уже состоявшемся в качестве высоко упорядоченного социальном пространстве. Спорт подчеркнуто воспроизводит именно такую ситуацию: здесь культивируются преимущественно индивидуальные виды спорта, в которых невозможно в ходе соревнования несоблюдение принятых норм, пренебрежение принципом честного соперничества.

В наши дни в условиях ацентричности и крайней плюральности мира перед человеком, стремящимся к самоидентификации, неизбежно встает в каждом конкретном случае в качестве наиважнейшей задача: самому привести мир в более упорядоченное состояние, чем то, которое для него исходно

характерно, обеспечить устойчивость этого мира. Современный человек вынужден «во всем и всегда опираясь на самого себя, поставить самого себя как средоточие и мерило в господствующее положение, т. е. заниматься самообеспечением» [30].

Спорт наших дней в лице игровых командных видов (футбол, хоккей, баскетбол и др.) воспроизводит во всей полноте указанную ситуацию. Действительно, обстоятельства, в которых происходит соперничество, изначально не столь однозначны, как в индивидуальных видах. Здесь возможны и реально случаются определенные соревновательные эпизоды, в которых спортсмен, по сути, выбирает «формулу успеха», «философию победы». Он может соревноваться строго по правилам, а может в определенных пределах от них отступить, и при этом происходящее не обязательно будет замечено и классифицировано судьями как нарушение. Спортсмен может действовать, как говорят, «на грани фола», а иногда – и за пределами официально дозволенного. В одних случаях его действия будут создавать и поддерживать условия, необходимые для полноценной самоидентификации, укреплять социальное пространство, в котором принципы и нормы (прежде всего – принцип честного соперничества) оказываются не просто провозглашенными, но и действительно реализуемыми, а в других – существенно такие условия ослаблять. Соответственно четкая самоидентификация в одном случае будет возможной, в другом – нет; неизбежно разной будет и удовлетворенность спортсмена происходящим: «Трижды сладостна победа, добытая в честной борьбе» [11]. Подчеркнем еще раз, что все это в значительной степени соответствует общей ситуации пребывания человека в современном (постсовременном) мире, в котором в известной мере предполагается и дается простор свободной игре отрицательности.

Соревновательное взаимодействие есть единство сотрудничества и соперничества. Нельзя выиграть, выделиться, полноценно утвердить себя, не соучаствуя; соучастие есть важнейший момент индивидуализации, которая является важнейшим условием и реальным проявлением деятельного соучастия. Сказанное относится и к взаимоотношению спортсмена со средой. Здесь спортсмен в определенный момент подчиняет себе среду (предмет, соперника), однако, в следующий момент «отдает инициативу»,

подчиняет себя среде. Затем все повторяется. Соперничество оказывается одновременно и сотрудничеством. Умение навязать свою волю предмету (сопернику) непосредственно продолжается в умении следовать за предметом (соперником), принимать его «волю», и такое умение есть существеннейший компонент мастерства спортсмена. (Так, опытный пловец создает волну в одной фазе плавательного движения и следует, скользит по ней в следующей фазе.)

Высокое мастерство — это полная гармония спортсмена и среды, что, как и в случае взаимодействия с соперником, предполагает честное соперничество в процессуальном плане и справедливость результата в итоге. Восприятие и сопереживание нами (зрителями) данной ситуации актуализирует наиболее глубинные процессы нашего (человеческого) существования и неизменно вызывает воодушевление.

Следует отметить, что сегодня можно встретить авторов, для которых спорт наших дней равен древнегреческому и которые в рамках такого рода представлений идут в определенном смысле дальше Кубертена. Надо сказать, что это редкая, но в то же время наиболее реалистичная точка зрения на действительный смысл того, что происходит в спорте. Вот два примера: «Олимпийская идея отражает стремление человека постичь глубоко скрытую высшую реальность жизни и в то же время приглашение людей к переживанию этой реальности и размышлению над ней; олимпийская идея обновляет человека, побуждая его к попытке достижения высшей цели существования» [38]; «Мы, смертные, всегда, рано или поздно, проигрываем в игре жизни. Мы умираем. И спортивное состязание — это ритуально повторяющиеся триумфы человека над одним и тем же соперником — над смертью» [21].

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ПРОДУКТИВНОСТИ СПОРТА

Кубертен, как известно, возлагал большие надежды на спорт, видя в нем эффективное средство оздоровления общества в целом. В Олимпийской хартии программно заявлено: «Целью олимпизма является повсеместное становление спорта на службу гармоничного развития человека с тем, чтобы способствовать созданию мирного сообщества, заботящегося о сохранении человеческого достоинства» [22].

Нельзя сказать, что это чисто внешним образом, а не от понимания сути действительно происходящего в спорте, заданная целевая установка. Спорт требует от человека выдающихся достижений в развитии физических кондиций, а также способности к максимальной психологической концентрации в условиях соревнований. Уже само выполнение высоко автоматизированного двигательного действия, ориентированного на достижение победного результата, предполагает умение спортсмена достигать состояния психосоматической собранности, т. е. гармонии, сопряжения его душевного начала с началом телесным. Это — с одной стороны. С другой — спортивное соревнование — это чрезвычайно масштабная встреча представителей разных государств, культур, этносов, что создает предпосылки для лучшего их взаимопонимания и потенциально (поскольку в спорте провозглашен принцип честного соперничества) для укрепления сотрудничества, создания «мирного общества» [28].

Однако решает ли современный спорт реально поставленные перед ним задачи? Конечно, нельзя ответить на этот вопрос отрицательно. Вместе с тем и положительный ответ в целом выглядит проблематичным, иначе откуда тогда столь резко негативные, по сути разоблачительные, аттестации современного спорта, которые даются отдельными (однако, среди прочих, очень известными) авторами, которые утверждают, что спорт наших дней — это «совершенно бесплодное умение, которое не обогащает душу» [31] и что современные Олимпийские игры — это «грязная смесь бизнеса и рекламы» [29]. В свете сказанного выглядит не вполне адекватным следующее заявление: «Я могу смело утверждать, что олимпийское движение сегодня больше, чем когда бы то ни было, опирается на идеалы Кубертена» [7]. У Самаранча много заслуг перед современным олимпийским движением, однако вряд ли это связано с разработкой и реализацией в период его президентства (1980–2001) гуманистических идей олимпизма, сформулированных Кубертенем.

Сегодня налицо существенное расхождение между декларациями относительно социальной и культурной значимости спорта, с одной стороны, и оценками его действительных достижений — с другой. А в Древней Греции? Здесь ситуация (конечно, не всегда, но все же на протяжении больших историче-

ских периодов) была иной: олимпиец реально воспринимался не просто как «лучший атлет», а как «лучший грек», как «избранник богов». Греческому спорту удавалось решение задачи формирования «героической личности», воспитания гражданственности, а также укрепления миропорядка. Что открывало ему такого рода возможности? Прежде всего то, что спорт в данном случае на деле являлся последовательной реализацией принципа античной агональности, выступал как деятельность, которая позволяла греку открывать и актуально переживать правду жизни, а также рождала у него стремление к героическому действию перед лицом этой правды [14].

Спорт способствовал развитию способности человека диалектически (реалистично и полномащтабно) воспринимать мир и все в нем происходящее, увеличивал возможность действовать от «чувства бытия», и именно данное обстоятельство превращало его в эффективное средство решения многих конкретных социальных и культурных проблем. Спорт повышал мировоззренческую компетентность человека, что создавало предпосылку для развития и проявления всех иных, более частного характера, видов компетентности. Грек воспринимал его как метафизический феномен: «Сами греки, несомненно, ясно осознавали скрытую от нас причастность этих социальных институтов [агонов и симпосий. — Н.В., В.М.] к сфере метафизической или сакральной, которая продолжала сохраняться еще и после того, как в них перестали видеть формы богослужения и они подверглись известного рода обмирщению» [1].

Рассматриваемая проблема имеет и другие аспекты. Здесь можно вспомнить, что Кубертен настойчиво стремился к сближению спорта с искусством, исходя при этом из своего понимания характера этой близости в античности: «Совсем не случайно в древние века писатели и художники собирались в Олимпии, чтобы отметить Олимпийские игры и тем самым повысить их престиж» [выделено нами. — Н.В. и В.М.] [11]. Что, однако, вызывает сомнения в данном суждении? Прежде всего, то, что присутствие «художественного» на античных играх изначально понимается как чисто внешнее добавление к «спортивному», что «художественное» не рассматривают как нечто произрастающее из глубинных процессов спортивной (агональной) деятельности,

а значит, не выступает как нечто связанное сущностно с этими процессами. Между тем, в Древней Греции ситуация была иной. Здесь самые разные люди, в частности представители различных профессиональных занятий, в том числе интеллектуальных и художественных, своим присутствием на Олимпиаде стремились поднять не ее престиж, как полагает Кубертен, а престиж своего дела, а также свой собственный. На это указывают и некоторые исследователи: «Многие важные договоры были заключены на Олимпийских играх, еще большее число было оглашено и высечено в камне. Торговцы вступали в различные сделки с прибывшими из колоний... Военачальники и властители участием в Олимпиадах поднимали свой престиж, богачи пожертвованиями шире распространяли славу своей щедрости. *Историки, философы, ораторы и драматурги считали главным показателем успеха в творчестве победу в «соревновании умов» на Олимпиаде*» [выделено нами. — Н.В. и В.М.] [12]. Можно вспомнить и то, что в свое время решение Рима о предоставлении греческим городам автономии провозглашено именно на очередных Олимпийских играх — в 196 г. до н.э.

Грек — агональная личность. Он соревнуется в рамках любой деятельности, в том числе профессиональной. И агональность здесь не просто процессуальный момент, а экзистенциально-смысловая суть происходящего. Спорт — это деятельность, где принцип агональности проведен наиболее последовательно и полно (во всяком случае, среди «мирных» занятий), поэтому естественно, что представитель каждой отдельной деятельности (в частности, профессиональной), тоже агональной по внутренней сути своей, желая полномасштабно реализовать глубинный смысл и творческий потенциал своего дела, обеспечить ему подлинность, стремится встать под знамена агональности высшей — олимпийской. Именно здесь любой успех становится наиболее содержательным и полным, обретает максимальный индивидуально-смысловой и общесоциальный масштаб.

Кубертен настойчиво выступал за укрепление союза искусства и спорта в наши дни. «Мы хотим, — заявлял он, — осуществить углубленное сотрудничество между спортом и искусством при возобновлении Олимпийских игр, включить их сотрудничество в повседневность, то есть при организации обычных спортивных мероприятий. Главное

пробудить интерес к конкурсам со стороны широкой общественности, чтобы все больше и больше людей осознавали спорт неотъемлемой частью культуры» [39]. Реализуется ли данная программа сегодня? вполне очевидно, что успехи здесь невелики. И первопричина происходящего все та же: эстетическое, художественное рассматриваются и в данном случае не как нечто, непосредственно связанное с самой сутью спортивной деятельности, а как то, что должно и может быть привнесено в спорт извне в качестве некоторого дополнительного, «облагораживающего», по мнению Кубертена, но фактически же исключительно декоративного, элемента. Такого рода действия, как очевидно, носят в целом формальный характер, а потому обречены изначально на низкую результативность.

Здесь целесообразно особо остановиться на сути «принципа честной игры» (или, более правильно было бы, по нашему мнению, говорить «принципа честного соперничества»), который является для спорта основополагающим. В «Манифесте о честной игре», подготовленном в 1997 г. Международным советом спорта и физического воспитания при ЮНЕСКО, сказано: «Принцип честной игры является необходимым и доминирующим свойством идеи Пьера де Кубертена» [41]. Внимание к этому принципу сегодня особенно велико. «Идея честной игры... сейчас становится еще более актуальной, чем в эпоху Кубертена» [16]. Стоит, однако, отметить: большая актуальность в данном случае связана, скорее всего, не с тем обстоятельством, что в настоящее время для участников спортивных состязаний данный принцип действительно выступает как верховная ценность и в качестве таковой постоянно естественным образом оказывается в центре их внимания, а с тем, что авторитет его в целом существенно меньше должного. Действительно, на практике этот принцип постоянно в том или ином виде нарушается, и, как свидетельствуют данные ряда социологических исследований, такие нарушения не обязательно получают негативную оценку со стороны спортсменов, тренеров, руководителей команд, а также в ряде случаев и зрителей. Когда процессы такого рода заходят настолько далеко, как это бывает сегодня, в обществе возникает озабоченность, поскольку под угрозой оказывается сама возможность существования спорта, и есть основания полагать, что именно данное

обстоятельство прежде всего выступает причиной повышенного интереса в наши дни к принципу честного соперничества, т.е. мы имеем дело не столько с почитанием принципа, сколько с опасениями по поводу тех последствий, к которым может привести то обстоятельство, что мы его мало почитаем.

Нам следует еще раз вспомнить Древнюю Грецию. Здесь изначально рассматриваемый принцип не задает только лишь стандарт соревновательных отношений одного грека с другим, одного спортсмена с другим спортсменом, он выступает как главный принцип соперничества грека с судьбой. Честное соперничество спортсменов друг с другом — это определенный момент, отблеск сияния той справедливости, которая составляет внутреннюю суть агональности как космологического феномена и за которую в конечном счете человек сражается. Поэтому честность в истинном варианте возможна лишь тогда, когда соревнование сохраняет в смысловом плане для участников свое метафизическое измерение, мировоззренческую содержательность, выступает как поединок человека с судьбой, которого нельзя избежать и в котором можно и победить и проиграть, но только честно. Здесь выигрыш не по правилам — проигрыш, и любой проигрыш — всегда справедливый, по правилам. При отсутствии соответствующей этико-мировоззренческой ориентации принцип честной игры имеет для спортсмена чисто формальный характер и определяющего значения для его соревновательного поведения, когда победа — главная цель, иметь не может. Соответственно, в такой ситуации данный принцип не становится основополагающим и для поведения спортсмена за пределами сферы спортивного поединка.

Главная проблема сегодняшнего дня и состоит в том, что спорт обычно не воспринимается нами адекватно как феномен, обладающий значительным метафизическим потенциалом, который ему свойственен как деятельности сущностно агональной, но он не замечается и в должной мере не поддерживается нами целенаправленно, и по этой причине спорт в настоящее время не проявляет себя в социальном и культурном отношении в достаточной степени полномасштабно. У спортсмена чаще всего отсутствует устойчивый интерес к мировоззренческому (метафизическому) основам как человеческого существования в целом, так и деятельности, в которой он реализует себя профессионально,

а общий уровень гуманитарной подготовленности как таковой – важнейшая предпосылка мировоззренческой компетентности как таковой – по целому ряду причин также невысок, между тем как спортсмену (а, вообще говоря, любому человеку в условиях современной культуры) более всего необходимо как раз и то и другое. Спортсмену нужна качественная мировоззренческая подготовка (наряду с физической, тактико-технической, психологической и т.д.). Нужна она, конечно, и тренеру и в сегодняшних обстоятельствах – даже прежде всего.

НАСЛЕДИЕ КУБЕРТЕНА И АНТИЧНОСТЬ (ИТОГОВЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ)

В настоящее время ситуация, в которой находится спорт высших достижений, может быть охарактеризована в определенном отношении как парадоксальная. Во-первых, модель, в соответствии с которой спорт фактически реализуется, не соответствует в значительной степени идее олимпизма Кубертена. Во-вторых, сама эта идея не в полной мере передает суть идеи античного олимпизма. Однако, в-третьих, современный спорт, вопреки сказанному, по глубинной основе своей близок спорту греческому, и он проявляет себя соответствующим образом, хотя, как мы отметили, противоречиво и не в полной мере. Такова реальная ситуация, и в ее рамках наследие Кубертена, на первый взгляд, не является в значительной степени актуальным. Однако это не так.

Великая заслуга Кубертена состоит прежде всего в том, что он в поисках ответа на вопрос о сущности современного спорта и путях его развития обращается к античной культуре, фактически продолжая (с существенным сдвигом во времени) традицию Европейского Возрождения. Кубертен правильно определяет главное направление, в котором следует искать ответы на данные вопросы. Именно греческая культура должна стать для нас предметом самого пристального внимания, и при этом мы должны попытаться возродить ту традицию метафизического осмысления спорта, которая характерна для античности и которая у нас отсутствует. Кубертен, как мы могли убедиться, фактически призвал нас идти по данному пути, хотя сам лишь частично прошел в правильно выбранном направлении. В связи с этим не следует его позицию считать в целом не соответствующей греческой и,

тем более – поверхностной. Вполне очевидно, что воодушевление Кубертена греческим спортом питаемо правильной интуицией относительно его действительного содержания и смысла, однако следует сказать еще раз, что в основном это лишь интуиция, что ее свидетельства не получают у Кубертена должной интеллектуально-теоретической проработки и философско-концептуального оформления – и именно в этом все дело. Такого рода проработка, в рамках которой будет поддержана греческая традиция понимания спорта как метафизического феномена, – это, вероятно, центральная задача для современной философии и социологии спортивной деятельности; именно на этом пути можно ожидать создание концептуально развернутой и в должной мере реалистически ориентированной концепции олимпизма.

Понимание спорта Кубертенем является более глубоким, чем у большинства его современников, а также у многих сегодняшних исследователей спорта, и Кубертен сам, надо сказать, осознавал, что в своем видении спорта как феномена, имеющего глубокие корни в человеческой культуре, он в значительной мере одинок. Известны его слова: «Моя концепция спорта всегда отличалась от концепций большинства спортсменов [можно было бы, вероятно, добавить: «а также тренеров и организаторов в сфере спорта». – Н.В. и В.М.]. Для меня спорт был религией со своей церковью, своими догматами, своей службой, но, прежде всего – религиозным сознанием» [11]. Вполне очевидно, что Кубертен не становится здесь на позицию религиозного мировоззрения: говоря «религиозное», он фактически имеет в виду «метафизическое», т. е. демонстрирует в методологическом плане, по сути дела, греческое видение спорта. Он говорит о «религиозном» (метафизическом) содержании спорта и в других случаях, в частности, когда отмечает, что, возрождая Олимпийские игры, «хотел, чтобы в наши дни молодые люди еще раз стали последователями религии спорта, задуманной нашими великими предками» [11]. Вместе с тем сетует: «“Спортивная религия”, древние понимали смысл этого словосочетания; наши современники еще не улавливают его» [40].

Можно указать и на другие случаи, когда Кубертен видит в современном спорте и в спорте как таковом то, что глубинно присуще греческому спорту как агональной деятель-

ности. Известно, что он не раз обращался к проблеме внутренней ориентации спортсмена и неоднократно подчеркивал социально-культурную и морально-этическую содержательность процесса состязания как такового, т. е. фактически говорил о смысловой самодостаточности этого процесса: «Главное в жизни не триумф, а битва; важнее храбро сражаться, чем победить» [38]. Нетрудно увидеть, что здесь в особой форме проявляется соответствие представлений Кубертена античным, согласно которым в спортивном состязании реализуется принцип полного присутствия.

Что же такое олимпизм? В свете всего сказанного следует отметить: это «философия жизни», предполагающая духовно-практическую ориентацию человека на максимально полное самоутверждение, связанное с обретением в рамках активных действий, разворачивающихся во внешнем мире, статуса деятельного соучастника процессов и событий, которые составляют глубинную основу человеческого бытия: разделенность его на противоположные начала (любовь и вражда, соучастие и индивидуализация) и сопряжение этих начал, обеспечивающее становление – свершение истины и справедливости. Олимпизм – это не принцип, не философия, в соответствии с которой строится какая-либо отдельная человеческая деятельность (в частности, исключительно спорт), это активная жизненная позиция человека, проявляющего себя сущностно и повсеместно в качестве рефлексивного и нравственного субъекта; в исторически-культурном плане – это базовый принцип самоутверждения человека в той культуре, где внешней успех имеет особенно высокую ценность, прежде всего, в культуре Западной.

А что же такое спорт? Это официально организованная и регулярно повторяющаяся, реализуемая в соответствии с принципом «честного соперничества», соревновательная – и самодостаточная в качестве таковой – деятельность, в пределах которой внутренняя диалектика человеческого существования представлена внешне-сюжетным образом, задана предельно концентрировано и определено, что небывало остро ставит перед субъектом проблему полномасштабного деятельно-практического самоутверждения. Этим спорт отличается от других (в том числе официально организуемых соревновательных) деятельностей, где

человек поставлен в обстоятельства, в связи с которыми прежде всего действует в соответствии с тем или иным интересом частного характера, и где проблема истинного самоутверждения (и утверждения истины) обычно отодвинута на второй план или вообще оказывается забытой. Можно также сказать, что спорт — это сфера социальной жизнедеятельности, где человек оказывается возвращенным к правде своего существования, которая состоит в том, что его полноценное самоутверждение оказывается возможным лишь тогда, когда он деятельно соучаствует в воссоздании первоизданной стихии человеческого бытия, когда утверждается в качестве субъекта воссоздания этой стихии, где встречаются и опосредуют друг друга кардинальные стремления и чувства человека: любовь и вражда, индивидуализация

и соучастие, и где справедливость является диалектическим итогом свершающегося становления.

Олимпизм в спорте реализует идею человеческого самоутверждения как духовно-практического акта, который дает возможность человеку обрести и удержать себя в процессе официально организованной соревновательной деятельности в статусе свершителя долга и творца смысла. Единство тела, воли и разума, о которых говорит Кубертен, давая свое определение олимпизма, есть непосредственное проявление и одновременно (при правильном подходе к проблеме) средство реализации данного акта.

Спорт глубинно (и в Древней Греции, и в культуре XX–XXI вв.) — это подлинно метафизический феномен. Заниматься профессионально спортом, не принимая во внима-

ние (по невежеству или по инфантильности) данное обстоятельство со всеми возможными, вытекающими отсюда последствиями практического и мировоззренческого порядка, не руководствоваться соответствующими знаниями стратегически, а это сегодня типично, — значит лишать себя тех живительных истоков, которые питают спортивную деятельность как культурный феномен и которые продолжают воссоздавать спорт, обеспечивают ему жизнестойкость, сохраняют перспективу его исторического существования, вопреки утрате современным миром устойчивости и стабильности, в условиях крайней ослабленности его экзистенциально-смысловых оснований. В ликовании спортсмена-победителя вдохновенно и зримо ликует истина человеческого существования!

■ Литература

1. Андреев Ю. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю. Андреев. — СПб.: Алетейя, 1998. — 400 с.
2. Аристотель. Риторика / Аристотель // Античные риторика. — М.: Искусство, 1978. — С. 84–97.
3. Бахтин М. Вопросы литературы и искусства / М. Бахтин. — М.: Искусство, 1978. — 326 с.
4. Визитей Н. Социология спорта. Курс лекций / Н. Визитей. — К.: Олимп. лит., 2005. — 247 с.
5. Гвардини Д. Конец Нового времени / Д. Гвардини // Вопр. философии. — 1990. — № 9. — С. 144–171.
6. Гераклит. Фрагменты ранних греческих философов / Гераклит. — Ч. 1. — М.: Наука, 1984. — С. 176–256.
7. Интервью Президента МОК Х.А. Самаранча // Международное спортивное и олимпийское движение, 1982. — Вып. 17. — С. 13–17.
8. Кайрос // Словарь Античности. — М.: Прогресс, 1085. — С. 40.
9. Кант И. Из лекций по этике (1780–1782 гг.) / И. Кант // Этическая мысль: научно-публицистические чтения. — М.: Политиздат, 1988. — С. 297–322.
10. Кант И. Об изначально злом в человеческой природе / И. Кант // Собр. соч. в 6 т. — Т. 4, Ч. 2. — М.: Наука, 1968. — С. 22–43.
11. Кубертен де П. Олимпийские мемуары / Пьер де Кубертен. — К.: Олимп. лит., 1997. — 180 с.
12. Кун С. Всеобщая история физической культуры и спорта / С. Кун. — М.: Радуга, 1982. — 398 с.
13. Лерой Т. Чокар. Этика современных Олимпийских игр / Лерой Т. Чокар // Информ. вестн. — Вып. 10–11. — М.: ВНИИФК, 1979. — С. 44–48.
14. Логу Ф. Наука и олимпийское движение / Ф. Логу // Междунар. спорт. движение: Экспресс-информация. — М.: ЦООНТИ; Физкультура и спорт, 1983. — С. 14–20.
15. Мамардашвили М. Лекции по античной философии / М. Мамардашвили : [Электронный ресурс] / Режим доступа : — <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamer01/txt19.htm> - Лекция 12. — 12 с.
16. Международное спортивное движение. Экспресс-информация. — Вып. 11. — М.: ЦООНТИ; Физкультура и спорт, 1986. — С. 9–11.
17. Ницше Ф. Смерть богов, или как философствуют молотом / Ф. Ницше // Соч. в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 556–630.
18. Ницше Ф. Человеческое слишком человеческое / Ф. Ницше // Соч. в 2 т. — Т. 1. — М.: Мысль, 1990. — С. 231–490.
19. Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху / Ф. Ницше. — М.: Наука, 1994. — 280 с.
20. Ницше Ф. Веселая наука. Злая мудрость / Ф. Ницше. — М.: Эксмер, 2007. — 528 с.
21. Новак М. Спорт и религия в Америке / М. Новак : [Электронный ресурс] / Режим доступа : — <http://archive.svoboda.org/prqgrams/otv.2004/obt.120504.asp>. — 12 с.

■ References

1. Andreiev Yu. Price of freedom and harmony. Several strokes to a portrait of the Greek civilization / Andreiev Yu. — St. Petersburg: Aletheia, 1998. — 400 p.
2. Aristotle. Rhetoric / Aristotle // Antique rhetorics. — Moscow: Iskusstvo, 1978. — P. 84–97.
3. Bakhtin M. Questions of the literature and art / Bakhtin M. — Moscow: Iskusstvo, 1978. — 326 p.
4. Vizitei N. Sociology of sport. Course of lectures / Vizitei N. — Kiev: Olympic sports, 2005. — 247 p.
5. Gvardini D. The end of the Modern Age / Gvardini D. // Voprosy filosofii. — 1990. — N 9. — P. 144–171.
6. Heraclitus // Fragments of early Greek philosophers. — Part 1. — Moscow: Nauka, 1984. — P. 176–256.
7. Interview with IOC President J. A. Samaranch // International sports and Olympic movement, 1982. — Issue 17. — P. 13–17.
8. Kairos // Dictionary of Antiquity. — Moscow: Progress, 1985. — P. 40.
9. Kant I. From Lectures on ethics (1780–1782) / Kant I. // Eticheskaiia mysl: Scientific and publicistic readings. — Moscow: Politizdat, 1988. — P. 297–322.
10. Kant I. On radical evil in human nature / Kant I. // Coll. works in 6 vol. — Vol. 4, Pt. 2. — Moscow: Nauka, 1968. — P. 22–43.
11. de Coubertin P. Olympic memoirs / de Coubertin P. — Kiev: Olympic literature, 1997. — 180 p.
12. Kun S. General history of physical culture and sport / Kun S.. — Moscow: Raduga, 1982. — 398 p.
13. Walker LeRoy T. Ethics of modern Olympic Games / Kun S. // Information bulletin. — Issue 10–11. — Moscow: All-Russian Scientific Research Institute of Physical Culture and Sports, 1979. — P. 44–48.
14. Lotz F. Science and Olympic movement. / F. Lotz // International sports movement: Express information, 19. — Moscow: Central Specialized Body of Scientific and Technical Information — Physical culture and Sport, 1983. — P. 14–20.
15. Mamardashvili M. Lectures on ancient philosophy. — <http://www.psylib.ukrweb.net/books/mamer01/txt19.htm> — Lecture 12. — 12 p.
16. Symposium «Relevance of Pierre de Coubertin» // International sports movement. Express information. — Issue 11. — Moscow: Central Specialized Body of Scientific and Technical Information — Physical culture and Sport, 1986. — P. 9–11.
17. Nietzsche F. Twilight of the idols, or, how to philosophize with a hammer / Nietzsche F. / Nietzsche F. // Oevre in 2 vol. — Vol. 2. — Moscow: Mysl, 1990. — P. 556–630.
18. Nietzsche F. Human, all too human // Oevre in 2 vol. — Vol. 1. — Moscow: Mysl, 1990. — P. 231–490.
19. Nietzsche F. Philosophy in the Tragic Age of the Greeks / Nietzsche F. — Moscow: Nauka, 1994. — 280 p.
20. Nietzsche F. The gay science. Wicked wisdom / Nietzsche F. — Moscow: Eksmer, 2007. — 528 p.

22. Олимпийская хартия (в действии с 7 июня 2007 г.) // Международный олимпийский комитет. – Лозанна (Швейцария). – 46 с.
23. Олимпийский спорт / [под общ. ред. В.Н. Платонова]. – Т. 1. – К.: Олимп. лит., 2009. – 736 с.
24. Пиндар. Вахилид. Оды. Фрагменты / Пиндар. – М.: Наука, 1980. – 503 с.
25. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм / Ницше Ф., Фрейд З., Фромм Э. и др. // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 336–398.
26. Тиллих П. Мужество быть / П. Тиллих // Избранное: Теология культуры. – М.: Юрист, 1995. – С. 7–131.
27. Уайтхед А. Наука и современный мир / А. Уайтхед // Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – С. 56–271.
28. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1986. – 239 с.
29. Фромм Э. Психоанализ и этика / Э. Фромм. – М.: Радуга, 1999. – 415 с.
30. Хайдеггер М. Европейский нигилизм / М. Хайдеггер // Время и бытие. – СПб.: Наука, 2007. – С. 87–244.
31. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня / Й. Хейзинга. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
32. Чанышев А. Эгейская философия / А. Чернышев. – М.: Наука, 1970. – 248 с.
33. Шелер М. Положение человека в космосе / М. Шелер // Проблема человека в Западной философии. – М.: Прогресс, 1988. – С. 31–95.
34. Эмпедокл // Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. 1. – М.: Наука, 1985. – С. 350–414.
35. Эрида // Мифы народов мира. – Т. 2. – М.: Наука, 1984. – С. 666–667.
36. Guidenpfenind S. Philosophy of relation between sport and peace / S. Guidenpfenind // Dialectis and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly. – Vol. XI. – 1984. – P. 50–61.
37. Hietenen A. Sport and international Understanding: A survey of the structure and trends of international Sport Cooperation / A. Hietenen, T. Vasis // Sport and Int. Understanding: Proceedings of the Congress Read in Helsinki, July 7–10, 1982. – Berlin etc.: Springer-Verlag, 1984. – P. 210–221.
38. Nissiotis N. Philosophy of Olympism / N. Nissiotis // Report of the 18th Session of the IOA. – Athens, 1979. – P. 170–178.
39. Coubertin Pierre de. From L'Esprit dympique / Pierre de Coubertin // Revue Olympique, juillet, 1908. – P. 19–27.
40. Coubertin Pierre de. Comuis-toi toi-meme / Pierre de Coubertin // Excelsior, 23 august 1915. – P. 24–31.
41. Manifesto // Fair play for All. Declaration of the CIFD. – Munchen, Paris, 1992. – 16 p.
42. Seppanen P. The Olympics: A Sociological Perspective / P. Seppanen – University of Helsinki, Department of Sociology, № 33. 1984. – 98 p.
43. Volkwein K. Ethics and Top-Level Sport – d Paradox / K. Volkwein // Ethics and Sport. Special Issue. Int. Review for the Sociology of Sport, 1995. vol 30, № 3/4. – P. 311–321.
21. Novak M. // Sports and religion in America. – <http://archive.svoboda.org/prqgrams/otv.2004/obt.120504.asp>. – 12 p.
22. Olympic Charter (in force as from 7 July 2007) // International Olympic Committee. – Lausanne/Switzerland. – 46 p.
23. Olympic sport / [Ed. by V.N. Platonov]. – Vol. 1. – Kiev: Olympic literature, 2009. – 736 p.
24. Pindar. Bacchylides. Odes. Fragments / Pindar. – Moscow: Nauka, 1980. – 503 p.
25. Sartre J.-P. Existentialism is a humanism // Nietzsche F., Freud Z., Fromm E. et al. Twilight of the gods. – Moscow: Politizdat, 1989. – P. 336–398.
26. Tillich P. The courage to be / P. Tillich // Selected works: Theology of culture. – Moscow: Yurist, 1995. – P. 7–131.
27. Whitehead A. Science and the modern world / A. Whitehead // Selected works on philosophy. – Moscow: Progress, 1990. – P. 56–271.
28. Fromm E. To have or to be? / Fromm E. – Moscow: Progress, 1986. – 239 p.
29. Fromm E. Psychoanalysis and ethics / Fromm E. – Moscow: Raduga, 1999. – 415 p.
30. Heidegger M. European nihilism / M. Heidegger // Being and time. – St. Petersburg: Nauka, 2007. – P. 87–244.
31. Huizinga J. Homo ludens. In the shadow of tomorrow / Huizinga J. – Moscow: Progress, 1992. – 464 p.
32. Chanyshv A. Aegean philosophy / Chanyshv A.. – Moscow: Nauka, 1970. – 248 p.
33. Sheler M. Position of the human in space / Sheler M. // Problem of the human in the Western philosophy. – Moscow: Progress, 1988. – P. 31–95.
34. Empedocles // Fragments of early Greek philosophers. – Part 1. – Moscow: Nauka, 1985. – P. 350–414.
35. Eris // Myths of the peoples of the world. – Vol. 2. – Moscow: Nauka, 1984. – P. 666–667.
36. Guidenpfenind S. Philosophy of relation between sport and peace / Guidenpfenind S. // Dialectis and Humanism. The Polish Philosophical Quarterly. – Vol. XI. – 1984. – P. 50–61.
37. Hietenen A., Vasis T. Sport and international Understanding: A survey of the structure and trends of international Sport Cooperation / Hietenen A., Vasis T. // Sport and Int. Understanding: Proceedings of the Congress Read in Helsinki, July 7–10, 1982. – Berlin etc.: Springer-Verlag, 1984. – P. 210–221.
38. Nissiotis N. Philosophy of Olympism / Nissiotis N. // Report of the 18th Session of the IOA. – Athens, 1979. – P. 170–178.
39. Coubertin Pierre de. From L'Esprit dympique / Coubertin Pierre de // Revue Olympique, juillet, 1908. – P. 19–27.
40. Coubertin Pierre de. Comuis-toi toi-meme / Coubertin Pierre de // Excelsior, 23 august 1915. – P. 24–31.
41. Manifesto // Fair play for All. Declaration of the CIFD. – Munchen, Paris, 1992. – 16 p.
42. Seppanen P. The Olympics: A Sociological Perspective / P. Seppanen. – University of Helsinki, Department of Sociology, № 33. 1984. – 98 p.
43. Volkwein K. Ethics and Top-Level Sport – d Paradox / Volkwein K. // Ethics and Sport. Special Issue. Int. Review for the Sociology of Sport, 1995. vol 30, № 3/4. – P. 311–321.